

Часть 1. Конкретное литературоведение: проблемы и перспективы (Материалы регионального научного семинара)

УДК 82-111-852

Е.И. Анненкова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

МОЛОДОЙ КОНСТАНТИН АКСАКОВ: ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, научный проект № 14-04-00376а

В статье рассматривается ранний этап творческого пути К.С. Аксакова: середина 1830-х гг., время, когда будущий славянофил предпринимает первые опыты самопознания. Они нашли выражение в ранних записных книжках, в письмах 1836 г., адресованных М.Г. Карташевской, в лирических стихотворениях. Предметом осмысления Аксакова становятся такие понятия как чудесное, сверхъестественное, Бог, вера, убеждение, творчество, философское познание. В статье намечены основные направления творческой эволюции будущего публициста и литературного критика. Впервые публикуются фрагменты текстов, не становившихся предметом научного анализа.

Письма, записные книжки, поэзия, тайна, мироздание, бесконечность, сомнамбулизм, магнетизм.

The article deals with the early stage of K.S. Aksakov's career: mid-1830, the time, when the future Slavophile was having his first experience of self-knowledge. They were expressed in his early notebooks, letters of 1836, addressed to M.G. Kartashevskaya and in lyric poems. Aksakov thought about such things as miracles, the supernatural things, God, faith, belief, art and philosophical knowledge. The article outlines the main directions of Aksakov's future creative evolution as the essayist and literary critic. The texts which have not been studied earlier are first published in the article.

Letters, notebooks, poetry, mystery, universe, infinity, somnambulism, magnetism.

Введение

К.С. Аксаков, вошедший в историю русской общественной мысли как один из ведущих деятелей славянофильства, в 1830-е гг. – поэт-романтик, переводчик, автор фантастических повестей, выразивший, наряду со своими современниками, эпоху поисков романтического универсализма, философской эстетики, синтеза поэзии и мысли. Все это уже было предметом внимания исследователей. Но внутренний мир молодого Аксакова более сложен, чем это может показаться на первый взгляд. Одновременно глубина и наивность его юношеского мышления проявляется не только в написанных во второй половине 1830-х гг. художественных произведениях (повестях и лирике), но и в письмах, заметках, записных книжках, не опубликованных в полной мере до сих пор. Процесс самоопределения Аксакова интересен как сам по себе (он позволяет реконструировать личность будущего славянофила на ранних этапах ее становления), так и для уяснения тех философско-эстетических и духовных процессов, которые совершались в эпоху романтизма, далеко не всегда выходя на поверхность, а достаточно часто оставаясь в сфере

потенной, скрытой от чужих глаз духовной жизни, нередко – эклектической, сумбурной, но переживаемой личностью напряженно и подчас болезненно. Римма Михайловна Лазарчук как-то в личной беседе говорила, что ей нравится, взяв за основу какой-либо конкретный факт или частное, на первый взгляд, суждение, искать далее уже концептуальное объяснение позиции того или иного литератора. Думается, и ранние тексты К.С. Аксакова, не имеющие как будто особой эстетической ценности, могут оказаться полезными для понимания его духовного пути.

Основная часть

Самоопределение молодого Аксакова – это, конечно, прежде всего, становление мировоззренческое, философское, но интересен и психологический, глубоко личный аспект. Измерять ценность тех или иных суждений старшего сына Аксаковых в пору его становления строго философским критерием не вполне продуктивно: из-под его пера не выходят философские трактаты, да и не только трудами мыслителей осуществлялось развитие русской литературы.

Во второй половине 1830-х гг. Аксаков довольно много размышляет о себе. Можно лишь удивляться, что ощущая себя так органично, тепло, комфортно в отчем доме, он был столь в себе неуверен, столь многое считал необходимым в себе изменить, сохраняя при этом свое «я». В этот небольшой отрезок времени он успевает прожить несколько периодов: увлечение кружком Н.В. Станкевича и отход от него; любовь к М.Г. Карташевской, позволившую Аксакову достаточно полно выразить его эстетические устремления, – и расставание, происшедшее по воли ее родителей; поездку в «чужие края», побудившую задуматься об отношениях России и Запада, заронившую славянофильские чувства и укрепившую готовность заниматься филологическими трудами. Все это находит выражение в его письмах, позволяющих понять, каким был эмоционально-психологический контекст зарождения славянофильских настроений.

Один из ранних документов, представляющих историко-литературную ценность, – Записная книжка Аксакова, которая заполняется им с ноября 1834 до начала сентября 1836 гг. [1]¹. Это не столько традиционная книжка писателя, пусть и начинающего, сколько дневник, правда, не всегда оформленный в виде подневных записей. Если в более ранних, практически детских записных книжках (1830) Аксаков набрасывает фрагменты задуманных им художественных произведений, в которых уже просматривается его интерес к отечественной истории и увлечение романтической эстетикой, то в книжке, которая начата в 1834 г., довольно много признаний в тех внутренних сомнениях, которые он испытывает и которые нередко угнетают его. Эпиграфом (а учитывая, что фраза написана на отдельном листе) и своеобразным заглавием составляемого текста, становится фраза из пушкинского стихотворения – «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Страдания и мысли молодого Аксакова и находят выражения в Записной книжке 1834 г.

Можно выделить темы, которые являются, во-первых, сквозными (к ним Аксаков неоднократно возвращается, дополняя и уточняя первоначальное содержание записи), во-вторых, свидетельствующими о направленности размышлений именно молодого Аксакова, еще не заявившего о себе на литературном поприще, но помышляющего о нем. Влечение к полемике, к публичному высказыванию, присущее зрелому Аксакову-славянофилу, проявляется уже на раннем этапе и, что наиболее интересно, становится предметом рефлексии. В одной из первых записей он поясняет, почему так привлекателен для него **спор**: «Я люблю спор по трем причинам: 1) потому что собственное мнение становится яснее <...> удовлетворительнее; 2) потому что тут узнается истина, если бы при (нрзб) и чужое мнение; 3) люблю спор именно для него. Борьба для меня блаженство» [1, л. 5] (Здесь и далее подчеркнуто Аксаковым – Е.А.).

¹ Выражаю глубочайшую благодарность Марине Дмитриевне Кузьминой, позволившей мне познакомиться с копией рукописи Записной книжки Аксакова и опубликовать отдельные фрагменты

Далее приводится спор о женщинах, который Аксаков ведет со своим приятелем, считающим (или поддразнивающим молодого и пылкого собеседника), что женщина «должна только служить забавою для мужчины» [1, л. 3]. «Это такой материализм!» [1, л. 3 об.], – восклицает Аксаков и дальше пускается в рассуждения, **что** есть мужчина (называя сочетание «силы, ума и воли»), а **что** – женщина (которая «хотя и есть дополнение мужчины, но это дополнение составляет самую чистую, святую, божественную его часть», «она – вечный источник его духовной жизни» [1, л. 3 об.]). Достаточно подробно описав полемику, а точнее, зафиксировав свои высказывания, он комментирует: «Я очень был рад этому спору: в нем отразилось и развернулось мое понятие о женщинах, которое прежде было темно, или, если было, спало во мне» [1, л. 4].

Основным предметом анализа, конечно, становится собственная личность, **свое «я»**, как в собственном содержании, так и в отношениях с другими. «Если делают мне приятное из угождения, то оно мне вовсе не приятно: мне кажется, это какой-то обман. Если станут указывать на какое-то хорошее чувство, выставлять его наружу, хвалить его, как бы оно хорошо ни было, я от него отвращусь» [1, л. 10]. «О, я хочу делать добро и даже могу; я услужлив, но хочу, не люблю, чтобы другой считал меня обязанным; одна эта мысль, что другой должен мне быть благодарным, должен, должен... уже мне противна, меня расстраивает. Мне очень приятно было бы, чтобы мне были благодарны, но без изъявления и не по какой-то обязанности. Я никого не хотел бы сделать своим должником в деле чувства...» [1, л. 13]. «Я не желаю никем быть, кроме себя; я такой эгоист: я лучше хочу быть дурным самобытно, чем хорошим переимчиво, зависимо» [1, л. 12 об.]. «Нигде мне так не хорошо, как в мире мечтаний, в мире воспоминаний» [1, л. 13 об.]. «Я, идеалист в высшей степени, чуть не сделался материалистом; по крайней мере, я теперь вижу, что материализм имеет основания, да еще какие» [1, л. 14 об.]. «Сомнение – вот слово, вот острый меч, рассекающий все; ничто не убежит от него, ни даже истина нашего бытия» [1, л. 12 об.].

Сомнения не только в самом себе, но и более общего мировоззренческого плана Аксакову довелось испытать именно в раннюю пору жизни: «Помню, помню... Рано начались мои сомнения. Когда я в первый раз стал говеть (мне было 12), вдруг сомнение врезалось в мою душу, сомнение о бытии И[исуса] Х[риста]. Вся неделя для меня была ужасной. Я молился Богу и в то самое время, когда поднимал руку, идя к Причастию [?], я думал, что Христос есть заблуждение, старался всячески отогнать мысль эту, и тем чаще представлялась мне она. Наконец, я положил полтинник на свечку для утишения мучения и (такова сила воли у вер[ующих]: на какой бы предмет ни обращалась она и какое бы средство ни выбирала), оно утихло и, наконец, совсем исчезло...» [1, л. 11]. «Когда человек молится, то, молясь Богу, молится он сам себе; молитва есть не что иное, как сильное желание, которое исполняется по мере степени воли и веры, с какою произносится. Эту волю и веру (волю в образе веры, ибо че-

ловек слаб) находит он в самом себе; итак, в самом в нем заключается и желание, и исполнение, он в самом себе носит Божество, но Божество в семени, и это семя может произрастить дерево. И[исус] Х[ристос], человек в высшей степени, – этому пример, он есть преобразование будущей судьбы человека» [1, л.13–13 об.].

Можно видеть, что Аксаков не столько погружается в философские, тем более – богословские вопросы (они, в собственном их содержании, от молодого поэта далеки, да и в полноте их ему недоступны), сколько пытается прочувствовать и определить свое место в том необъятном мироздании, к которому мысль его устремляется одновременно с энтузиазмом и опаской. Это стремление к познанию неизведанного, готовность во что бы то ни стало проникнуть в «божественные тайны» (как будет сказано в одном из стихотворений), и в то же время – неуверенность в себе; традиционное для романтизма понимание, что не дано человеку, даже избранному, в полной мере высказать «невыразимое», – и готовность исследовать свое внутреннее «я» с бесстрашием экспериментатора – проступает во всех ранних текстах Аксакова; везде можно видеть потребность лично, глубоко искренне погрузиться в осмысление тех проблем, которые и влекут, и беспокоят, и побуждают к диалогу. Можно сказать, что именно в ранние годы формируются определяющие черты аксаковского сознания: интенсивность самоосмысления, готовность критически взглянуть на себя, но при этом не отказаться от заветных убеждений. «Как бы мне хотелось взглянуть на себя со стороны» [1, л. 6], – сказано уже на первых листах Записной книжки. Взглядом со стороны (но взглядом сочувственным) он хотел бы увидеть себя внутреннего, который столь исполнен сомнений, неуверенности и который, вместе с тем, так открыт миру.

«Не могу высказаться» – своеобразный рефрен записок Аксакова. Он присутствует и в поэтических текстах, хотя стихотворения середины 1830-х гг. как раз свидетельствуют, что в поэзии ему удается выразить себя, но тяготит, удручает то, что в непосредственном общении он неловок, «глуп и смешон» [1, л. 6 об.]. «Боже мой! Боже мой! Непонятнее и непонятнее окружает меня мир, непонятнее и непонятнее становлюсь я себе в нем. Да, я – урод, я – нелепое произведение природы. Я не могу гармонировать с людьми и с миром. Я мучусь, тоскую и не могу передать им, что чувствую: они меня не понимают. Не могу передать себя» [1, л. 29]. Не потому ли поздний Аксаков обретет, выработает в себе способность выражать себя в слове, в публичном диспуте, но, в известном смысле, закроет свое внутреннее «я», перестанет вести дневники и делать личные признания в письмах. Может быть, поймет, что общественное самовыражение ему дается легче, чем интимное.

Переписка с М.Г. Карташевской, кузиной, в которой он видел родственную душу, высвобождает переполнявшие Аксакова чувства, и он изливает на бумагу многообразные свои размышления, в том числе, развивает, уже более последовательно и осознанное, и тему невысказанности, пытаясь придать ей некую философскую направленность. Пись-

ма хранятся в РО ИРЛИ [4] и публиковались лишь частично [5], [7], [8]; они становятся, по признанию самого Аксакова, «средоточием жизни» [4, л. 169 об.]. После приезда семейства Карташевских к Аксаковым в Москву и затем возвращения их в Петербург, Аксаков вновь, и даже с чувством нетерпения, обращается к письмам: «Итак, снова начнется наша переписка, когда буду я Вам передавать всего себя, снова буду писать Вам о поэзии, о словесности, даже иногда, если позволит дяденька, и о жизни, о времени, в смысле философском» [4, л. 87 об.], [6, с. 174]. Каждое из посланий пишется несколько дней, и каждое наполнено признаниями во внутренних сомнениях: «Какая цель моей жизни, достигну ли я ее, выскажусь ли я?» [4, л. 26]. «Разные мысли, которых сам я не могу постигнуть, влекут меня в разные стороны, мучат, разрывают меня!» [4, л. 26 об.]. «Мне бывает грустно, очень грустно, милая Машенька, иногда до слез; я не могу понять себя, и мне так тяжело: это сомнение в своем существовании, это тысячи подобных мыслей, которые я не могу высказать, мучат меня. Я как-то не живу...» [4, л. 44]. «Я весь составлен из неясных воспоминаний, из мечтаний, из предчувствий, темных невыразимых состояний; они волнуются во мне; они томят меня, сию минуту высказаться, просятся наружу; часто мне кажется, будто я хожу, будто я близко огромных истин, часто кажется мне, что еще несколько усилий, и они предстали бы мне; я много, много предпостигаю, если можно так сказать; но нет, это все не то, это все еще не высказывает того, что я чувствую, что я испытываю...» [4, л. 109 об.]. Он описывает сны, странные психологические состояния, которые испытывает; размышляет о «сверхъестественном» и «чудесном» не только как о категориях эстетических, но как о некоей непостижимой реальности.

Душевное напряжение, напоминающее подчас психологическую экзальтацию, оказывается усилено тем, что Аксакову хочется найти некое сопряжение внутренних вопросов, размышлений с практикой жизни: он хотел бы попробовать конкретно прочувствовать те состояния, природу которых он стремится понять, – что есть ипохондрия, «сомнение в своем существовании» и чувство «самоуничтожения», сомнамбулизм, воздействие магнетизма. Родители и их друзья готовы искать для Константина докторов и выписывать микстуры, М.П. Погодин советует записывать «странный в этом роде, как важные факты для психологии» [4, л. 94 об.]. Но молодой Аксаков стремится осмыслить, постигнуть те таинственные явления, которые волновали литературное и бытовое сознание как в России, так и в Европе, начиная уже с XVIII века. М.П. Алексеев отмечал, что в 1730-е гг. «начали входить в моду опыты по внушению (гипнотические явления именовались тогда «магнетизмом») немецкого врача Фридриха Антона Месмера», а в конце XIII столетия магнетизм в Петербурге уже «был в великом употреблении» [6, с. 116, 117]. В XIX столетии интерес к магнетизму не уменьшается и становится более аналитическим. Проявлял интерес к нему А.С. Пушкин. Он, как отмечалось исследователями, мог знать А.А. Турчанинову, имя которой наделало много шума: она проводила магнетиче-

ские сеансы, бралась лечить от всевозможных болезней, правда, далеко не всегда добиваясь успеха. Будучи в 1833 г. в Казани, Пушкин беседовал с супругами Фукс о магнетизме, отстаивая фактическую достоверность магнетических явлений [11, с. 44–187]. В 1830-е гг. заявляют о себе попытки научного обоснования «сверхъестественного», что продолжится и в последующие десятилетия. О «напряженном интересе русского общества 30-х и первой половины 40-х годов к вопросам веры и мистики, о влечении к сверхъестественному миру, ко всему иррациональному и подсознательному» писал П.Н. Сакулин [13, с. 371], [см.: 10].

Из русских писателей наиболее полно и глубоко существо «таинственного» изучал В.Ф. Одоевский, исследуя природу сновидений, сомнамбулизма, привидений, магнетизирования. По справедливому замечанию М.А. Турьян, писатель, глубоко изучивший философию мистиков, прежде всего – «рациональное» ее крыло, обозначенное именами Т. Парацельса, Дж. Пордеча, К.-Л. Сен-Мартена и др., в «Науке инстинкта» и «Психологических заметках», опубликованных в 1843 г., уже формулирует свой взгляд на процесс познания; в произведениях писателя тема интеллектуальной интуиции получает развитие в сложных и разнообразных формах [15, с. 236, 237]. Одоевский размышляет о соотношении между «естественными явлениями», которые можно научно объяснить если не в настоящее время, то позже, и теми «странными явлениями», природа которых не открывается человеку, и в результате выходит к вопросу о нравственных аспектах познания [14].

Не столь стройно и последовательно, как В.Ф. Одоевский, но и Аксаков размышляет о необходимости равновесия между «инстинктуальным» и рациональным знанием, а проделывая опыты над собою, оказывается перед вопросом о возможности или невозможности удержать это равновесие и об оправданности предпринятых попыток.

В одном из писем к М.Г. Карташевской сообщает, что был у магнетизера, просил показать «приемы магнетизирования». «Мы говорили с ним сначала о многом, – продолжает он, – о таинственном, о чудесном, и я еще более верю в существование всего этого: есть даже книги, в которых можно найти если не объяснение, то по крайней мере, описание таинственного», и резюмирует: «Так-то, милая моя Машенька, верьте, верьте магнетизму и поверьте, что многие мысли вашего брата Костиньки, над которыми так смеются, многие мысли справедливы. Я сам хочу сделаться магнетизером, одобряете ли Вы мое намерение, милая Машенька?» [4, л. 46]. Несколько позже вновь возвращается к этой теме: «Знаете ли, милая Машенька, что я начал магнетизировать и как кажется, не без успеха. Как бы мне хотелось, чтобы Вам прочесть Делеза» [4, л. 104]. Книга Делеза «Руководство к практическому изучению животного магнетизма» вышла в 1836 г., при этом Аксаков жалеет, что автор «не позволяет магнетизировать для чудесных явлений, но единственно для исцеления больного» [4, л. 104]. Для самого Аксакова лечебное магнетизирование (ставшее модным в ту пору) неотделимо от осмысления чудесного, таинственного,

и ему хотелось бы найти единомышленников: «Ах, если б найти хотя одного человека, который бы также любил все чудесное, таинственное, как я, и вместе пойти по этому пути, который мог бы довести до важных истин» [4, л. 46].

Аксаков размышляет о формах взаимодействия человека с миром видимым, доступным привычным чувствам человека, и – миром неизъяснимым, «сверхъестественным». И в том, и в другом он готов заметить потенциал синтеза, взаимодействия, подчас неожиданного: «Как хорошо магнетизм объясняет филологию! И все, все объясняется из одной общей мысли, везде проявляющейся. Все – стройное целое, гармония! Прекрасная гармония!» [4, л. 159].

Для Аксакова явления магнетизма – форма выражения не до конца открывающихся человеку возможностей природы. Как и Одоевский, он готов объяснить эти тайны рациональным путем и одновременно допустить их непознаваемость, во всяком случае, в настоящий момент. В таинственных явлениях он находит (скорее, ощущает) нечто сходное с поэзией, а критерий эстетического в эту пору для него главный. «Я нашел такой ключ, – сообщает он в очередном письме к Карташевской, – который подходит ко все чудесам, которым я могу отпереть все таинства магии» [4, л. 24]. «Какие огромные, необъятные мысли приходит ко мне; не могу их объять: а если обойму <...> Трудно передать, но я надеюсь, что побегу трудность» [4, л. 32 об.]. Вместе с тем, когда чувствует, что магнетический сеанс нарушает его внутреннее, душевное равновесие («я чувствовал, что что-то постороннее втесняется в меня, овладевает мною...») [4, л. 89], тотчас просит сеанс прекратить.

Выводы

Можно сказать, что к исходу 1830-х гг. Аксаков, отдав дань философско-эстетическим поискам, выбирает для себя – вначале интуитивно, бессознательно, а далее все более определенно – иную дорогу, связанную с публицистическим (отчасти – научным) самовыражением и общественным служением. Характерно, что в пору увлечения магнетизмом, он задумывает статью «О убеждении» [2], и в ней собирается системно изложить волновавшие его вопросы. О важности для него этой работы он, как всегда, сообщает Карташевской. Он написал «Введение» и следующий раздел статьи, назвав его «Об убеждении», но можно предположить, что этот раздел был написан уже позже и выразил собственно славянофильские убеждения автора. Во «Введении» же Аксаков предпринял попытку подытожить размышления, которыми делился с кузиной и друзьями, при этом утвердить примат философского познания над другими формами изучения человека и мира (в том числе поставить вопрос о том, что есть понятие о Боге на разных этапах развития народов, о богочеловеке), однако собственно философское мышление ему не дается, и он подчас оказывается похож на ученика, который пишет сочинение на заданную тему: тема выбрана им самим и автора чрезвычайно занимает, но предложить собственное, оригинальное и логически убедительное истолкование трактуемых явлений

не вполне удается. Поэтому опыт его интересен как проявление живой, непосредственной реакции на поднимаемые эстетическим и научным сознанием 1830-х гг. достаточно сложные проблемы, как попытка решить их не отвлекаясь, книжно, а в применении к самому себе. Но тем более интересно, что уже два десятилетия спустя, будучи одним из ведущих деятелей славянофильства, в период Крымской войны, когда судьбы отечества и отношений России и Запада оказываются первостепенными, Аксаков вновь вернется к теме, столь занимавшей его в юности: в 1854 г., живя в Абрамцево, беспокоясь о судьбе Севастополя, негодуя на несовершенство правительственной политики, он пишет статью «О чудесном или сверхъестественном» [3] и даже получает цензурное разрешение на ее публикацию (статья, однако, не была опубликована и лишь в настоящее время эту работу готовит к публикации А.П. Дмитриев). Иван Аксаков в предисловии к письмам А.С. Хомякова совершенно справедливо называя Константина Аксакова и Юрия Самарина начала 1840-х гг. «жаркими почитателями философского мышления», пришел к выводу, что «Гегель как бы потонул в его (Константина – Е.А.) любви к русскому народу» [12, с. 224, 227]. Однако можно видеть, что тайны мироздания и мышления не переставали волновать старшего из сыновей Аксаковых и в зрелые годы.

Литература

1. Аксаков К.С. Записные книжки 1834–1836 гг. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 81.
2. Аксаков К.С. О убеждении // Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 88.
3. Аксаков К.С. О чудесном или сверхъестественном // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 24.
4. Аксаков К.С. Письма к М.Г. Карташевской // РО ИРЛИ.1064/XV.C.1.
5. Аксаков К.С. Письма к М.Г. Карташевской. Публикация и комментарии Е.И. Анненковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 75–89.
6. Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. Л., 1984.
7. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998.
8. Анненкова Е.И. Эстетические искания молодого Аксакова // Страницы русской литературы XIX века: Сб. научн. статей. Л., 1974. С. 110–135.
9. Бобров Е. Философия в России. Материалы, исследование, заметки. Вып. III. Казань, 1899.
10. Виноцкий И.Ю. Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.
11. Лернер Н.О. Пушкинологические этюды // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935. С. 44–187.
12. Предисловие И.С. Аксакова к письмам А.С. Хомякова Ю.Ф. Самарину // Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. М., 1904. Т. VIII.

13. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. I. Ч. 1. М., 1913.
14. Турьян М.А. Русский «фантастический» реализм. Статьи разных лет. СПб., 2013.
15. Турьян М.А. «Странная моя судьба...». О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991.

References

1. Aksakov K.S. Zapisnye knizhki 1834–1836 gg. [Notebooks 1834–1836 gg.]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 10. In. 7. Art. 81.
2. Aksakov K.S. O ubezhdenii [About belief]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury* (RO IRLI) [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature]. F. 3. Op. 7. Ed. hr. 88.
3. Aksakov K.S. O chudesnom ili sverh"estestvennom [About miraculous or supernatural]. *Manuscript Department of the Institute of Russian Literature*. F. 3. In. 7. Art. 24.
4. Aksakov K.S. Pis'ma k M.G. Kartashevskoi [Letters to M.G. Kartashevskiy]. *Manuscript Department of the Institute of Russian Literature*.1064/XV.C.1.
5. Aksakov K.S. Pis'ma k M.G. Kartashevskoi. Publikaciya i kommentarii E.I. Annenkovoi [Letters to M.G. Kartashevskiy. Publication and comment by E.I. Annenkovoi]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1973 god* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House in 1973]. Leningrad, 1976. S. 75–89.
6. Alekseev M.P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [Pushkin. Comparative historical research]. Leningrad, 1984.
7. Annenkova E.I. Aksakovy [Aksakov]. S-Peterburg, 1998.
8. Annenkova E.I. Ehsteticheskie iskaniya molodogo Aksakova [The aesthetic quest of young Aksakov]. *Stranicy russkoi literatury XIX veka: Sb. nauchn. Statei* [Pages Russian literature of the XIX century: Collection of Scien. Articles]. Leningrad, 1974. Pp. 110–135.
9. Bobrov E. *Filosofiya v Rossii. Materialy, issledovaniya, zametki* [Philosophy in Russia. Data, research, notes.] Vol. III. Kazan, 1899.
10. Vinickii I.Yu. *Dom tolkovatelya. Poehticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [House of interpreter. Poetic semantics and historical imagination, V.A. Zhukovsky]. Moscow, 2006.
11. Lerner N.O. *Pushkinologicheskie ehtyudy* [Pushkinian studies] *Zven'ya. Sborniki materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoi mysli XIX veka* [Links. Collection of materials and documents on the history of literature, art and social thought of the XIX century V]. Moscow ; Leningrad, 1935, pp. 44–187.
12. Predislovie I.S. Aksakova k pis'mam A.S. Homyakova Yu.F. Samarinu [Aksakov to the letters of A.S. Khomyakov Yu.F. Samarin]. *Homyakov A.S. Poln. Sobr. soch.* [A.S. Khomyakov Complete works], Moscow, 1904, Vol. VIII.
13. Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V.F. Odоеvskii. Myslitel'. – Pisatel'* [From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoyevski. Thinker. – Writer.]. Vol. I. CH. 1. Moscow, 1913.
14. Tur'yan M.A. *Russkij «fantasticheskii» realizm. Stat'i raznykh let* [Russian "fantastic" realism. Articles of different years]. S-Peterburg, 2013.
15. Tur'yan M.A. «Strannaya moya sud'ba...». *O zhizni Vladimira Fedorovicha Odоеvskogo*. ["Strange ... my destiny." About the life of Vladimir Odoyevsky]. Moscow, 1991.